

Межэтнические конфликты: сущность, проблемы, полемика, перспективы

Сергей Шакарянц (Армения)

Разрушение Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, начавшееся с самоликвидации СССР и коллективных усилий Запада по демонтажу федеративной Югославии, неизбежно должно было привести к обострению имевшихся и возникновению новых конфликтных ситуаций в мире. Двуполность мира в начале 90-х гг. XX-го века, видимо, перестала кого-то устраивать, если круги, развязавшие пресловутую «холодную войну», решились на нарушение сложившегося баланса сил и интересов США и СССР, являвшихся этими самыми мировыми полюсами, опорами Ялтинско-Потсдамской системы. Это обязательно привело бы к слову послевоенного (после 2-й Мировой войны) мироустройства, в особенности в Европе, что вызвало бы и изменение государственных границ, и изменение территориальных пределов зон влияния сверхдержав. Но в первую очередь, это должно было вызвать и вызвало к жизни очень многие застарелые проблемы, которые не удавалось решить мировому сообществу ни до, ни во время и ни после 1-й и 2-й Мировых войн. В целом ряде случаев эти проблемы вернулись к форме межэтнических конфликтов, хотя казалось, что проблемы этничности и этнической самоидентификации к концу XX века не должны были становиться причиной возникновения проблем, всплеск конфронтационности и т.д. С одной стороны, был многонациональный СССР, а также в основном явно не моноэтнические государства пресловутого «социалистического лагеря» с их потугами демонстрировать «братский интернационализм» и совсем уж пёстрые по национальному составу населения страны «третьего мира». С другой – не менее многонациональные США, столь же многонациональные ведущие страны Западной Европы и ряд их сателлитов из других частей света, стремившиеся поскорей приступить к новой попытке глобализации мира и мировых взаимоотношений под флагом англофонии. В обеих ведущих системах применялись методы нивелирования межэтнических различий и постепенной ассимиляции других народов под эгидой господствовавшего этноса или языковой группы.

Издревле известно, что лучшим способом развалить многонациональное государство является разжигание спорных вопросов путём «напоминания» различным этносам, составляющим население государства-объекта для применения деструктивной программы развала, об их нере-

шённых национальных вопросах и проблемах, об их отличиях от народов-соседей, о возможном наличии отторгнутых от них исторических земель и т.д. Но всё это, при условии, что в многонациональных государствах, как правило, существуют привилегированные и подчинённые этносы, а также разноразличные системы организации территорий, населённых различными народами, просто объективно и неизбежно приводит к конфликтам. Сейчас стало модным считать, что межэтнический конфликт – это конфликт только между представителями этнических общин, обычно проживающих в непосредственной близости в каком-либо государстве и, мол, из-за ошибочного советского определения, ставящего равенство между понятиями «этническая принадлежность» и «национальность», его иногда называют межнациональным конфликтом. Но изюминка споров вокруг того, что считать межэтническим конфликтом, заключается в том, что, например, конфликт между французами и немцами – это тоже межэтнический конфликт, просто в силу существования государственности у французов и немцев этот межэтнический конфликт сразу же автоматически становится и межгосударственным, вовлекая в свои перипетии уже и не только французов и немцев, но и те этнические меньшинства, которые проживают соответственно во Франции и Германии. К тому же всегда присутствует и фактор полной или ограниченной искусственности границ между различными странами (в том числе и между теми же Францией и Германией), не говоря уже о факторе искусственности даже целых стран или неких автономных и полуавтономных частей таких стран.

Сейчас, когда в мире говорят о конфликтах, зачастую ограничивают своё видение ситуации упоминаниями о конфликтах в бывших СССР и Югославии. Но насколько это оправданно? По тем или иным причинам реставрация национализма и националистических течений в политике происходит сейчас по всему миру, и это тоже приходится относить к результатам слома Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и окончания «холодной войны». Хотя при этом не следует также недооценивать значения общей радикализации правых политических воззрений на фоне разочарования большей части населения планеты в левых политических взглядах, что было неизбежно с учётом повышенной публичности уничтожения социа-

листической идеолого-политической системы – ведь на сегодняшний день официально продолжают «строить социализм» всего четыре страны: Китай (КНР без Тайваня), КНДР, Куба да Ливия («мусульманский социализм» - джамахерия). Никто не утверждает, что в подоплёке межэтнических конфронтаций и конфликтов не может быть рациональных и прагматических причин. Например, вспышка роста национального самосознания в Шотландии, которая после 90-х гг. XX века только усиливалась и привела уже к промежуточному результату (вполне позитивному для шотландцев), вполне может увязываться с фактором усиления кризисности экономики – как во всём Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии или в самой Шотландии в частности, так и в целом на Западе или даже во всём мире. И понятно, что с учётом осознания и понимания шотландцами значения энергоносителей у части шотландского населения вполне мог возникнуть замысел – достичь такого уровня самостоятельности, при котором нефтедобыча в Северном море у берегов Шотландии и дивиденды от неё оставались бы безраздельно только в Эдинбурге. Но нельзя не видеть, что к этой рациональной причине вполне чётко «примкнули» другие, которые многие могут назвать иррациональными проблемами и причинами роста шотландского национализма – допустим, недовольство засильем английского языка и фактического «умирания» шотландского (гэльского) языка. Конфликт - неизбежный результат любой иерархически организованной системы, возникающий при убеждённости сторон в несовместимости их интересов и целей деятельности, обусловленный существованием социального или иного неравенства. Основными субъектами конфликта являются большие социальные группы. Выразителями интересов больших социальных групп в конфликтных ситуациях являются различные политические организации, что приводит к тому, что в конечном счёте социальный конфликт становится конфликтом не больших социальных групп, а конфликтом отдельных политических, этнических и др. лидеров. Но всё же социальный конфликт порождается борьбой как результатом общественных и групповых, но не индивидуальных интересов. Например, социальный конфликт всегда является следствием социального неравенства, то есть неодинакового доступа к различным ресурсам социальных групп людей.

А вот национально-этнические конфликты – это конфликты на основе борьбы за права и интересы этнических и национальных групп. Чаще всего это конфликты, связанные со статусными или территориальными претензиями. При этом более сильный этнос ограничивает или

исключает претензии более слабых этносов. Имеющие высокий статус члены группы обычно стараются перевести недовольство, существующее внутри группы, на внешнего врага. Неравенство этносов чаще всего обусловлено объективными обстоятельствами - численностью, отсутствием ресурсной базы, вкладом в развитие экономики, культуры, географические условия и т.д.¹ Поэтому следует говорить не о весьма проблематичном равенстве этносов, а об их равноправии, в том числе и перед законом. Межэтнические конфликты являются следствием распада или дезинтеграции социума, дискриминации одной нации другой, нарушения соглашений, разрыва социальных отношений и связей между людьми. Для возникновения межэтнического конфликта необходимо наличие трёх факторов: 1) связан с уровнем национального самосознания, который может быть адекватным, заниженным или завышенным. Неадекватный уровень способствует появлению этноцентрических устремлений. Этноцентризм представляет собой склонность человека воспринимать и оценивать явления окружающей действительности с позиций «своей», рассматриваемой как эталон, этнической группы. Возникают массовые иррациональные положительные представления о своей этнической общности, которые напрочь опрокидывают любые расчёты прагматичной ориентированности только на социально-экономические блага; 2) наличие в обществе критической массы проблем, оказывающих влияние на все стороны национального бытия; 3) наличие политической силы, использующей в борьбе первые два фактора.² В этнических конфликтах, межэтнической напряжённости, в использовании этничности в борьбе за власть виноваты не этничность и этнонациональное самосознание. Отклоняющиеся от нормы психологические и агрессивные формы зависят от конкретных обстоятельств и политических интриг.³ При этом всегда выделяются следующие аспекты межэтнических конфликтов: 1) этнопсихологический фактор как общий компонент национальных интересов в конфликтных ситуациях. Защитные реакции в обществе (этнотипе) могут вызывать угроза разрушения привычного образа жизни, материальной и духовной культуры, ценностных и традиционных норм, т. к. это означает признание превосходства доминирующего этноса, порождает чувство второсортности, представления о национальном неравенстве; 2) социально-экономический фактор может играть определяющую роль, быть одной

¹ Дмитриев А.В. Конфликтология. - М., 2002.

² Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. - М., 1993.

³ Социальная психология / Под ред. А.М. Столяренко. - М., 2001. стр.298.

из причин конфликта, отражать реальное социально-экономическое неравенство, мнимую дискриминацию или экономические интересы узких социальных групп; 3) межэтнический конфликт на почве социально-культурных различий может возникнуть по причине принудительной языковой ассимиляции, разрушения культуры, а также религиозных или цивилизационных норм, что также может вызвать защитные реакции; 4) политический фактор. Возрождение этничности сопровождается появлением новых политических лидеров меньшинства. Они подвергают сомнению легитимность существующей системы государства, отстаивая **право на самоопределение меньшинства как равного члена политической системы**.¹

Таким образом, межэтнические конфликты – это одна из форм отношений между национальными общностями, характеризующаяся состоянием взаимных претензий, имеющая тенденцию к нарастанию противостояния вплоть до вооруженных столкновений, открытых войн.² Сейчас в ведущих центрах мировой политической мысли выделяют две точки зрения на природу этнических конфликтов. Первая связана с представлением о межэтническом конфликте как о спонтанно возникающей и проявляющейся форме восстановления динамического равновесия в обществе. Вторая представляет межэтнические конфликты как иллюзию, скрывающую обычные социальные интересы и притязания экономических групп, политических сил и криминальных объединений. Они провоцируют межэтнические конфликты в любое время, в любом месте и в любом объеме. Сами авторы не согласны полностью ни с одной из этих точек зрения. Они указывают на наличие не зависящих от воли людей факторов, без которых было бы невозможно само существование межэтнических конфликтов: наличие этносов, их сложное строение, неравномерность исторического развития и распределения ресурсов, этноцентрические установки и т.д. Вместе с этим существуют провоцирующие, направляющие события, но скрытые от наблюдения социальные силы, организации и лица. Этническая принадлежность и солидарность, объединение вокруг этнокультурных ценностей, этноцентрические установки служат формой социальной мобилизации масс народа для достижения целей, которые ставят перед собой социальные группы, занимающие в этносе лидирующее положение.³ Есть и определение, согласно которому межэтнический конфликт в

строгом смысле слова является конфликтом между двумя или несколькими этносами или этническими группами, возникающий вследствие того, что их цели, устремления или интересы несовместимы.⁴ Но в действительности в конфликтах, называемых межэтническими, как правило, принимает участие незначительная часть противостоящих групп, которая, в лучшем случае, будет пользоваться пассивной поддержкой большинства. Такого рода конфликты обычно ограничены определёнными сферами. Исходя из этого, можно выделить **этносоциальные, этнокультурные и языковые**, а также **этнополитические конфликты**. Межэтнические конфликты оставляют более глубокий след, по сравнению с социально-классовыми столкновениями и трудовыми конфликтами. Каждому межэтническому конфликту присущи специфические особенности, исключительно важную роль играет культурная специфика конфликтующих групп и история их взаимоотношений, зафиксированная в виде символов, этнических стереотипов, предубеждений.⁵

Наконец, межэтнический конфликт определяется и как форма гражданского, политического или вооружённого противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют и страдают по признаку этнических различий. Государственная общность как более жёстко оформленная территориальными границами и фиксированным гражданством коалиция имеет больше оснований называть себя нацией, чем коалиция, основанная на этнической идентификации с её постоянно конструируемым содержанием, взаимопроникаемыми границами и множественной лояльностью. Понятие гражданской нации более приемлемо для членов многоэтнических политических сообществ и менее конфликтно, чем понятие этнонации.⁶ Есть и точка зрения, что этнические (межэтнические) конфликты – это частная форма социального конфликта, а внутренняя противоречивость (латентная конфликтность) этнического пространства в случае системного кризиса, т.е., и внешней (социальной), и внутренней (психологической) неопределённости, с большой долей вероятности перейдёт во множество открытых, трудно разрешимых конфликтов, подпитываемых массовой истерией в форме конструирования образа врага – чужака, ответственного за все сложности и неурядицы в переходный период. Под этническим конфликтом в этом случае понимается социальная ситуация, обус-

¹ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. - М., 1993.

² Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. - СПб., 2003.

³ Этнология / Под ред. Е.В. Маркова и В.В. Пименова. - М., 1994. стр.370.

⁴ Этнос и политика. Хрестоматия / Сост. А.А. Прусаускас. - М., 2000. стр.221.

⁵ Там же. стр.222.

⁶ Тишков В. О нации и национализме. Полемиические заметки // Там же. стр.143.

ловленная несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы, с одной стороны, и государства, с другой, на пересечении этнического, выражающуюся в стремлении этнической группы изменить сложившиеся этнические неравенства или политическое пространство в его территориальном измерении.¹ На субъективированном уровне этнический конфликт развивается в форме последовательно меняющегося поведения в этноконтактной среде - отчуждение, неприязнь, насилие.

Но в многонациональной стране или полиэтнической среде наличествует также система этнической стратификации. Одна сторона будет являться лидирующей, другая – ведомой, то есть - подчинённой. Это отразится в системе этнических стереотипов, установок, предубеждений. Национальный вопрос обостряется при ухудшении социально-экономических условий, так как люди начинают искать виноватого. Также он обостряется, когда положение ранее угнетённой или менее развитой этнической группы существенно улучшается, так как сразу встаёт вопрос о перераспределении социальных и культурных льгот, прав и обязанностей. Этническая стратификация многомерна, включает территориальные, социально-экономические, языковые и культурные факторы взаимодействия соответствующих групп. Если социальные изменения затрагивают только отдельные из этих признаков, они могут протекать безболезненно. Но если территориальные, языковые, культурные различия сочетаются с социально-экономическими, ситуация обычно принимает конфликтный характер и требует политических решений.² Тем не менее, несмотря на выше процитированное, общепринятой теории межэтнических конфликтов не существует. Основная теоретическая проблема конфликтов, квалифицируемых как межэтнические, состоит в выявлении их глубинных причин, что имеет и практическое значение, так как без выявления причин конфликта сложно найти пути его разрешения. Природа любого социального конфликта сложна и противоречива, так как обусловлена комплексом причин и конфликтогенных факторов, связана с явными и латентными интересами сторон, проходит определённые этапы развития и формы противоборства. И при этом играет серьёзнейшую роль то обстоятельство, что исторически есть или, по крайней мере, были существенные основания для одного народа быть недовольным

преобладанием или лидерством народа другого. В особенности если наличествует также историческая память с болезненными моментами и эпизодами, а также коллективное осознание несправедливости ныне царящего положения или искусственности преобладания и лидерства тех или иных народов и стран в регионе.

Поэтому все современные конфликты, в том числе и в Закавказье, являются логическим продолжением нерешённых проблем межнационального общения, сложившихся и накопившихся в тех или иных регионах за несколько веков, порой и тысячелетий. Если же конкретно говорить о постсоветских конфликтах, тот тут ещё сыграл свою разрушительную роль взятый на вооружение российскими большевиками принцип так называемой «автономизации» в качестве средства для разрешения национальных проблем, доставшихся в наследство от Российской Империи.³ Впрочем, также уместно добавить, что в методологии разрешения этих проблем, применявшейся большевистским режимом, отразились также и некоторые результаты 1-й Мировой войны и политики, осуществлявшейся большевистскими главарями в отношении ряда народов и стран в связи с той войной. А подход «автономизации» обусловил создание в рамках – вначале РСФСР, а затем и СССР – положения, когда взамен подлинного равноправия различных наций и народов в конституционном порядке было закреплено фактическое неравноправие. Подразделение тех или иных территорий на «союзные» и «автономные республики», «автономные области» и «округа», по сути, производилось во многом произвольно – без учёта конкретных историко-правовых предпосылок. Это признал, в частности, в свою бытность президентом России Владимир Путин (ныне премьер-министр РФ) на пресс-конференции в Баку в ходе своего официального визита в Азербайджан 9-11 января 2001 г., заявивший, что проблемы, существующие на Кавказе сегодня, «достались нам в наследство от империи», под прессом которой «эти проблемы были загнаны в угол», а теперь «вышли на поверхность».⁴ Чтобы продемонстрировать пагубность результатов большевистских подходов к решению национального вопроса в Закавказье (впрочем, те же провокационные глупости допускались ими и на других территориях, в частности, в Средней Азии и т.д.), достаточно предпринять небольшой исторический экскурс.

¹ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. — СПб., 1999. стр.53 и 54.

² Кон И.С. Социологическая психология. - М.-Воронеж, 1999. стр.353.

³ Шакарянц С.Э. Политика постсоветской России на Кавказе и её перспективы, Ереван, 2001, стр.19

⁴ Сообщение информационного агентства РИА-«Новости», 11 января 2001 г.

Самым древним этносом Закавказья, имевшим богатые традиции независимой государственности, является армянский народ. Своего пика армянская государственность достигла к началу нашей эры, после чего армяне постепенно теряли свою независимость, что сопровождалось крупномасштабными территориальными потерями. Окончательно армянская государственность на территории современной Армении была уничтожена в XI веке. К моменту вхождения в состав Российской Империи в начале XIX века армяне представляли собой нацию, потерявшую независимую государственность раньше всех своих соседей по региону (исключая современных азербайджанцев, которые не обладали на самом деле независимыми национально-государственными образованиями вплоть до 1918 г.), не имели даже полунезависимого или автономно-вассального (от Османской империи-Турции или Персии-Ирана) государственного образования. Более того, за те несколько веков, когда армянские территории были захвачены и находились в составе Персии или Османской империи, в результате разрушительной деятельности этих государств армяне более не составляли большинства населения на своих исконных территориях. В то же время, если учитывать, что Арцах (Карабах) исторически является составной частью Восточной Армении и обязательно должен быть охвачен рамками любого исследования в отношении и этой территории, и Закавказья в целом, то мы должны констатировать, что армянские меликства (княжества) на территории Арцаха (Нагорного и Равнинного) продолжали оставаться полунезависимыми и в начале XIX века, являясь вассалами Карабахского ханства, возглавлявшегося тюрками-шиитами, которые, в свою очередь, находились в вассальной зависимости от правящей тогда шахской династии Персии. Можно отметить также и армян Гардманка и Нахичевана – ещё двух частей Восточной Армении, которые на момент начала процесса русского проникновения в Закавказье также были вассалами тюрков-шиитов, возглавлявших соответственно Гянджинское (Гянджа/Гандзак) и Нахичеванское ханства и одновременно также находившихся в вассальной зависимости от шахской Персии. К вопросу о том, чем же являлись с политико-административной точки зрения упомянутые ханства, мы ещё вернёмся.

К тому же моменту на территории современной территории, воспринимающейся как Грузия, существовали два полунезависимых царства – Картли-Кахетинское и Имеретинское, - находившиеся в вассальной зависимости от Персии, а также княжества в Менгрелии, Гурии и др., являвшиеся вассалами Османской импе-

рии. Чуть севернее существовало осетинское княжество, которому предшествовал Союз аланских племён. Абхазия также была отдельной территорией, фактически оккупированной турками, хотя и возглавлялась абхазскими князьями.

Намного сложнее ситуация с государственностью на территории современного Азербайджана (за исключением территории современной Республики Арцах – Нагорно-Карабахской Республики). Азербайджанцы, которые в досоветской научной и публицистической литературе были известны как «кавказские татары», до сравнительно недавнего времени вообще не имели своей – сугубо своей – национальной государственности. Тем более – в регионе Кавказа. У них существовали мобильные, полукочевые ханства и т.д., возглавлявшиеся военными вождями племён, подчинённых иранскому шаху. Прочие формы государственности, которые в советское время традиционно связывали с историческим Арраном, как правильной было бы именовать значительную часть современного Азербайджана («Кавказская Албания», государство Ширван-шахов и др.), никакой связи с тюркскими кочевыми племенами и их ханствами и ханами не имели. Кроме того, на территории современного Азербайджана существовали и государственные образования нетюркских народов. Например, государство лезгин во главе с Давуд-беком (Мюшкюрским) в период своего расцвета (XVIII в.) представляло собой серьёзную угрозу не только вассальным от Персии-Ирана тюркским ханствам Закавказья, но и самой Персии-Ирану, даже грузинским царствам. Впоследствии, после вероломного пленения Давуд-бека турками-османами и поражения от Персии, лезгинское государство было превращено в вассальные от шаха Шемахинское, Кубинское, Нухинское (Шакинское) и Дербентское ханства. По соседству с лезгинами находились обладавшие независимой государственностью аварские и цахурские Джаро-Белоканские джамааты (не путать с Аварским ханством на территории современного Дагестана) – кавказский вариант средневековой нефтефодальной республики. Отметим, что населённые лезгинами территории действительно добровольно присоединялись в своё время к России в целях предотвращения разрушительных и грабительских военных походов Ирана. В этом же ряду следует отметить также нетюркское Талышское ханство на юге современного Азербайджана (ряд земель этого ханства остался за Ираном). Талыши, как известно, являются представителями фарсоязычных народов Кавказа, как и, к примеру, осетины.

Но не считая лезгинской государственности и Джаро-Белоканских джамаатов, следует признать, что возглавлявшиеся тюрками-кочевни-

ками ханства Закавказья нельзя воспринимать как даже полунезависимую государственность, поскольку ханства были лишь административно-территориальными единицами внутреннего назначения в Персии-Иране как в империи. А тюркские ханы, соответственно, были всего лишь наместниками иранского шаха в провинциях – захваченных территориях.

Не имея желания учитывать нюансы исторического развития Закавказья, а также накопленный правительством Российской Империи опыт решения национальных проблем, большевики пошли путём создания «братских социалистических республик», причём некоторые из этих республик были назначены «более братскими». По сути, искусственно создавались типичные мини-империи в Грузии и Азербайджане. Зачастую народы и их земли, вошедшие в административно-территориальный состав какой-либо союзной республики, не имели этнических и/или исторических связей с так называемой «титальной нацией» союзной республики. Главным мотивом проводившейся в Закавказье в 20-40-е гг. XX в. национальной политики большевиков был якобы учёт экономического фактора: так, в 1921 г. Кавказское бюро РКП(б) аргументировало насильственное введение Арцаха (в виде Нагорно-Карабахской автономной области, НКАО) в состав наспех и искусственно созданного «Азербайджана» более тесными экономическими и торговыми связями Арцаха с Баку, чем с Ереваном. Конечно, экономика и торговля – серьёзные факторы, однако не настолько, чтобы во имя их насильственно разрывать исторически связанные территории, населённые одним и тем же этносом. К тому же жизнь показала, что далеко не всё можно решить с помощью экономики и что национальные различия часто берут верх над экономической целесообразностью.

Мы вынуждены также констатировать, что во время формирования соц-республик в Армении, Грузии и «Азербайджане» (данный топоним берётся нами в кавычки по той причине, что реально он соответствует территориям южнее течения р.Аракс, на протяжении веков входившим в состав Ирана, а то, что современные потомки «кавказских татар» именуют Азербайджаном, расположено севернее течения р.Аракс – *прим.*) в составе СССР, а также создания и укрепления сугубо административных границ (ведь СССР был фактически единым, унитарным государством, и принцип федерализма в нём носил формальный характер) между ними большевистской Россией был проявлен преступный волюнтаризм, в связи с чем национальный вопрос (причём не только в Закавказье, но и практически по всей территории бывшей Рос-

сийской Империи) не был решён по существу. Большевики использовали пресловутый и глубоко алогичный (для пёстронаселённого Кавказа и его межэтнической чересполосицы – в особенности) принцип «автономизации» наций, вследствие чего они только подавили и загнали в подполье, а не ликвидировали актуальные споры и противоречия в межэтнических отношениях. Именно национальное размежевание по-большевистски – коммунистически привело к созданию дисбаланса между принципами исторической справедливости, экономической заинтересованности и целесообразности, правового государственнообразования, а также географической взаимосвязанности.

Но даже на этом общем фоне следует выделить проблемы только армянского народа. К сожалению, во время «революционизированных преобразований» в сфере межнациональных отношений интересы Армении были грубо попраны большевистской Россией и принесены в жертву в угоду человеконенавистнической лже-теории российских большевиков о распространении социалистической революции по всему миру. Сохранились исторические архивные документы, свидетельствующие о том, что, согласно этой теории, распространять соц-революцию Советская Россия предполагала посредством «большевизации» кемалистской (по сути нацистской) Турции как флагмана мусульманского Востока. В свою очередь, создание «Красного Востока» рассматривалось коммунистами как первый и главный шаг по пути неограниченного экспорта большевизма по всему миру. Именно поэтому Армения и её территории были для большевиков всего лишь предметом политических торгов с Турцией, а также новосозданным искусственным «Азербайджаном». По нашему мнению, в этом заключалась главная причина очередного расчленения Армении российскими большевиками и турками и аннексии армянских территорий – Карсской и Нахичеванской областей, Арцаха и Гардманка, Казахского округа и др. – в пользу Турции и «Азербайджана».

Естественно, что с началом кризисности экономики СССР и частичного ослабления центральной власти, а также при учёте явно подрывного антигосударственного характера деятельности ряда политиков во главе с М.Горбачёвым, на территориях, подобных Закавказью, тем более – в Арцахе и вокруг него, просто не могло не начаться столкновение интересов: между его законными, исторически хозяевами, с одной стороны, и – пришлым этносом, искусственно ставшим господствующей нацией – с другой. Волюнтаризм большевистского и, позднее, советского руководства оставил межэтнические

отношения в Закавказье в неурегулированном состоянии и десятилетиями подавлял стремления поработённых народов и территорий напомнить о своих национальных правах. Например, как отмечали в 1985-88 гг. и в более поздние годы многие политологи, обращавшиеся к истокам Арцахской проблемы, «начавшаяся «перестройка» способствовала «размораживанию» давнего конфликта и переходу его в активную фазу».¹ И это вполне применительно как к другим конфликтам Закавказья и Кавказа в целом, так и к конфликтам в Европе, Азии и т.д. Допустим, что есть на самом деле «конфликт из-за Джамму и Кашмира» между Индией и Пакистаном, как не результат застарелого общего конфликта между индуистами и мусульманами, «размороженный» уходившими из региона Южной Азии британскими колонизаторами после восстановления Индией своей государственной независимости?! Или же – разрастающийся конфликт между басками и «кастельянос»-испанцами в современной Испании?! Загнанный в подполье режимом диктатора Франко Баскский вопрос...

Плюс в случае с Арцахом стоял и другой вопрос – о физическом существовании, безопасности армянской нации в своих национальных очагах в Закавказье, поскольку геноцид их собратьев в Сумгаите возродил историческую память о Геноциде армян в Турции и Закавказье в 1915-23 гг. «В основе этих требований (арцахских армян – прим.) лежала тревога за сохранение собственной этничности и самовывживание».² И вновь – мы сталкиваемся фактически с универсальной причиной конфликтности. Но в случае с армянами, а обращаясь, к примеру, к балканским конфликтам, можно сказать – и сербами, мы также имеем дело с фактором пробуждённой (как правило, неким дерзким и жестоким преступлением, подпадающим под определение «преступление против человечности») исторической памяти, что формирует определённый стереотип в восприятии конкретным народом происходящих с ним событий злосчастного характера. На начальной стадии таких конфликтов пробуждённая историческая память народа, уже априори жившего в условиях своих исторически поражённых прав и интересов (геноциды армян и сербов), способствовала иррациональному восприятию угрозы утратить самоценность и переживанию «исторических несправедливостей» отнюдь не далёкого прошлого, что создавало благоприятные условия для этнической мобилизации и консолидации

сил каждой из конфликтующих сторон, стимулировало жестокость позиций и определённый экстремизм этнических требований.³ Всегда, и естественно, в случае с армянами Арцаха, срабатывала «реакция обеспокоенности», которая, в соответствии с точкой зрения американского исследователя Д.Горовица, проистекает из-за распространения гипертрофированного чувства опасности и способна инициировать «крайние действия в ответ на довольно умеренные угрозы».⁴ Отметим, что и описанного рода опасения, тревоги и т.д. также носят универсальный характер – к примеру, всё это постоянно было актуально для абхазов, довольно давно уже начавших превращаться в нацменьшинство (в сравнении с грузинами и менгрелами) у себя на родине в Абхазии, и для осетин, переживших на территории Южной Осетии не один и не два геноцида со стороны грузин.

Конечно, для развития и углубления конфликтов, для скоротечности или, напротив, замедленности процесса их урегулирования серьёзное значение имеет и та первопричина, по которой они стимулируются извне географических зон конфликтов, и конкретное отношение, демонстрируемое международным сообществом к тому или иному конфликту. К сожалению, мы постоянно видели и видим двоякое отношение со стороны остального мира, пресловутые двойные-тройные стандарты в политике. Так, говоря о якобы нерушимости международных границ в Европе, соглашаясь с адептами приоритетности принципа территориальной целостности, политический Запад как-то и явно предумышленно «забывает», что в начале 90-х гг. на карте той же Европы произошли крупнейшие стратегические коллизии и географические изменения – самораспад СССР, ликвидация Югославии, «бархатная» ликвидация Чехословакии, объединение ФРГ и ГДР в единую Германию и т.д. В этих случаях Запад однозначно отдавал предпочтение принципу права наций на самоопределение, ничуть не задумываясь о том, что с карты мира исчезнут целые страны, что вызовет цепную реакцию нарушений принципа территориальной целостности. Но в случаях с мини-империями Грузии и «Азербайджана», как известно, Запад и даже Россия упрямо придерживались курса на поддержку территориальной целостности этих гособразований. Не будь августовской агрессии Грузии в 2008 г. против Южной Осетии – можно не сомневаться, Москва продолжала бы нудный процесс переговоров без определения госу-

¹ Востриков С. «Карабахский кризис и политика России на Кавказе», жур. «Общественные науки и современность», М., сентябрь 1999 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Horowitz D., «Ethnic Groups in Conflict», Berkley, 1985, p.324

дарственно-правового статуса Южной Осетии и Абхазии. В то же время Запад всячески и после 90-х гг. стремился способствовать... дезинтеграции самой РФ, всячески поддерживая действия чеченских бандформирований и их пособников на Северном Кавказе. Вся эта противоречивость поведения Запада и других основных акторов геополитических «игр» на Кавказе, Балканах и т.д. (в отношении Балкан: поддержка центробежных и дезинтеграционных процессов в отношении Югославии и затем отдельно Сербии – в противовес этому нежелание признать право на самоопределение угнетённых народов в Хорватии и новосозданной, не менее искусственной, чем, скажем, пресловутый «Азербайджан», так называемой «независимой Боснии и Герцеговине под эгидой ЕС», и т.д.) ещё больше на самом деле усугубляет сами конфликты (текущие и потенциальные) и ещё больше способствуют эскалации конфликтогенности на отдельных территориях и в целых регионах. Причина? Она проста: «США всеми средствами стимулировали националистические настроения в Советском Союзе и решительно поддерживали реализацию бывшими советскими республиками «священного права» на национальное самоопределение, но столь же решительно выступили с противоположных позиций, когда распад СССР был достигнут и речь пошла об Абхазии и Нагорном Карабахе».¹

Дополнительным же фактором конфликтности, и это уже полностью актуально практически для всех регионов и наций, является ситуация, очень хорошо известная в мировой политической мысли в виде выражения **«разделённый народ»**. И в случае с Арцахской проблемой, как и осетино-грузинским конфликтом, конфликтами и войнами на Балканах и т.д., наряду с иными причинами конфликтности и эскалации напряжённости в межэтнических отношениях, налицо также устойчивое стремление угнетённых народов преодолеть состояние «разделённого народа» и воссоединиться с той частью своей нации, которая проживает и развивается в пределах национально-государственного образования более высокого международно-правового статуса. Для армян Арцаха в сложившихся в Закавказье условиях жизненно важное значение имели в равной степени и возможность любым путём уйти из-под контроля Баку, и мечта о реализации идеи о «миацуме» (воссоединении) с Арменией. Только внесение осложнений в процесс рассмотрения требований арцахских армян и урегулирования проблемы вынудил их перейти к требованию об

абсолютной политической и государственной независимости Арцаха-НКР. Таковыми же были ощущения и восприятия осетин Южной Осетии – при наличии совершенно рядом намного более развитой и относительно более свободно и перспективно развивающейся Северной Осетии-Алании (автономии в составе России) трудно примириться с мыслью о том, что тебе надлежит превратиться в граждан второго-третьего сорта в составе Грузии, где собирались к тому же резко сократить нишу применения некартвельских языков нацменьшинств бывшей Грузинской ССР. Хотим напомнить, что осетино-грузинский конфликт начался-то по существу с так называемой «Войны законов», и первыми шаг по пути эскалации «своего» национализма и конфликта в целом предприняли именно грузины. В 1988-89 гг. осетинская общественность, самоорганизовавшись в движение «Адамон Ныхас», резко восстала против принятого в Грузии республиканского Закона о языке и обратилась к Верховному Совету СССР и ЦК КПСС с протестом и требованием отменить этот Закон как антидемократический и антиконституционный.²

В ситуации «разделённый народ» на деле и сейчас проживают, конечно, не только армяне Арцаха и Армении, осетины Южной Осетии и Северной Осетии-Алании. Этот фактор с полными основаниями можно также считать универсальным практически для всех региональных конфликтов, даже – для конфликтов повсеместно в мире. На Кавказе в этом положении также находятся: талыши («Азербайджан» - Иран); лезгины, аварцы, цахуры и др. горские народы («Азербайджан» - Россия); различные народы адыго-черкесской группы (между различными автономиями внутри РФ). В мире – ещё больше: греки-киприоты – сама Кипрская проблема зарождалась как движение за «энозис» (воссоединение) с континентальной Грецией, и только всё те же двойные-тройные стандарты Запада привели к тому, что греки вынуждены были согласиться на создание второго греческого государства, что позднее было усугублено турецкой оккупацией северной части Кипра; баски (Испания – Франция); ирландцы-католики (Ирландия-Республика Эйре – Северная Ирландия в составе Соединённого Королевства); сербы (Сербия – Хорватия; Сербия – БиГ; Сербия – Черногория; Сербия – «албанское Косово»); пенджабцы (Индия – Пакистан); курды (Турция – Ирак – Иран – Сирия) и т.д., и т.п.

Кстати, не менее яркие проявления роста национального самосознания и национализма в

¹ Брутенц К. В погоне за «Пакс Американа», жур. «Свободная мысль», М., N 5, 1998, стр.35

² Шакарянц С.Э. Политика постсоветской России на Кавказе и её перспективы, Ереван, 2001, стр.120-121

целом дают отнюдь не только регионы, в которых проистекают локальные вооружённые конфликты, но и высокоразвитые страны Запада, в первую очередь Западной Европы. Вспомним хотя бы супердемократическую Францию – чем была её политика, начиная с эпохи Шарля Де Голля, как ни плохо скрывааемым французским национализмом?! Вспомним хотя бы то, что именно этому знаменитому генералу-президенту принадлежит клич, брошенный в толпы франко-канадцев в 1967 г. с балкона мэрии Монреаля: «Да здравствует свободный Квебек!». И то, что с каждым парламентскими и президентскими выборами во Франции растут акции Национал-радикальной партии Жан-Мари Ле Пен, только дополнительно иллюстрирует это утверждение. Кстати, само националистическое движение Квебекской партии франко-канадцев, которое недавно одержало победу в Национальном собрании провинции Квебек, является красноречивым отрицанием постулатов либеральной демократии и её апологетов, уверенных, что американизированность образа жизни (тем более – в Канаде!..) является надёжной гарантией от национальных и межнациональных проблем. И вот уже 64-летний бывший финансист и – тогда – лидер Квебекской партии Жак Паризо (заодно и премьер-министр Квебека) обещает своим восторженным избирателям проведение очередного референдума по вопросу независимости единственной франко-говорящей провинции Канады. Настоящую бурю в канадском обществе вызвали его откровения: если бы сторонники суверенитета получили на референдуме 1995 г. хотя бы минимальный перевес, правительство провинции провозгласило бы независимость в одностороннем порядке, не дожидаясь никаких переговоров с Оттавой. А ведь «дурной пример» заразителен – и в соседних США есть штаты, где значительную часть населения составляли французы и франкофоны...¹

Рост националистических настроений заметен и на Британских островах. Наиболее ярко это проявляется в Ирландской проблеме, где известное своими склонностями к терроризму военное крыло националистической партии «Шин Фейн» (и в Ирландской Республике, и в Северной Ирландии) – Ирландская республиканская армия (ИРА), наконец, сочло возможным отказаться от террора в борьбе с оккупационными властями Великобритании в Белфасте. У этого вопроса есть серьёзнейшая подоплёка – изменение в процентном соотношении численности населения между католиками и протестантами: за пределами Белфаста последние более не состав-

ляют большинства населения. То есть обеспечена надёжная база для политической победы над сторонниками сохранения Северной Ирландии в составе Соединённого Королевства, и ИРА «сдаётся». На деле же в скором времени предстоит крупное политическое поражение Лондона, так как снято последнее препятствие на пути переговоров о будущем статусе ольстерских графств, и сохранение оккупационных британских контингентов в Северной Ирландии с каждым днём и годом будет играть в пользу ирландских националистов. В свою очередь, любое послабление позиций Лондона в Северной Ирландии вызовет к жизни активизацию шотландских националистов, а ведь ещё в 1993 г. ряд английских газет с тревогой указывал, что уже более 30% опрошенных респондентов в Шотландии высказывались в том духе, что они вполне представляют свой край независимым государством. Напомним, что к тому же есть партия валлийских (Уэльс) националистов («Плайд Кумри»), которая также сосредоточенно отслеживает развитие ситуации в Ирландии. Что это означает? Прежде всего, то обстоятельство, что к хантингтоновским «цивилизациям» или «глобальным центрам» Бжезинского как-то исподволь приблизился новый фактор – многослойность и многоплановость самого западного мира, полуконфликтные линии межэтнических и межконфессиональных разломов внутри самой пресловутой «западной цивилизации». И британские дела – красноречивое подтверждение этой версии, так как приходится говорить о создании или воссоздании (учитывая исторический культурно-цивилизационный опыт кельтских этносов) новой культуры или центра – условно назовём его католико-кельтским. А есть ещё и движение кельтских националистов острова Мэн, а есть ещё укоренившиеся в крупных английских городах мощные и многочисленные ирландские общины, и т.д., и т.п.

Есть и другие проявления национализма на Западе: корсиканского, баскского, бретонского, галисийского, каталонского, южно-тирольского... А в Бельгии – так вообще, два национализма: фламандский и валлонский (франкофоны). Между прочим, от национализма не свободна и благополучнейшая Швейцарская Конфедерация, чаще всего приводимая адептами либерально-демократической многонациональной государственности в качестве примера бесконфликтного сосуществования представителей различных этносов в рамках высокоразвитой системы защиты общеполитических демократических ценностей. Тем не менее, в этой самой Швейцарии уже дважды после Второй мировой войны регистрировались всплески «ограниченного» национализма, в результате которых вначале к статусу

¹ Шакарян С.Э. Многополюсный мировой порядок. Планы и перспективы, Ереван, жур. «Тесакет», NN 29-30, 1995 г.

государственного языка были приравнены в начале итальянский, а затем, всего три года назад – и ретто-романский языки. Кто даст гарантии, что завтра-послезавтра десятки тысяч экономических беженцев и «гастарбайтеров» из Турции, Албании или мусульманской части Боснии и Герцеговины, численность которых растёт по всей Западной Европе, в том числе и Швейцарии, не потребуют от швейцарских властей таких же прав, пусть только в сфере применения языков?! Уже сегодня бюрократическая машина Конфедерации вынуждена дублировать все наиболее важные документы государственного значения на 4-х языках, увеличивая и расходы из госказны, и бумажную волокиту, и многое другое. Впрочем, в мире было ещё лишь одно государство, в котором на определённых территориях в качестве государственного, кроме основного – русского, действовал и национальный язык, ввиду чего управленческое звено тиражировало государственные документы и на национальных языках, - это СССР. Не трудно вспомнить, что во многих его республиках мощные сепаратистские движения начинались с самого безобидного и демократического (на первый взгляд) требования повысить значение национальных языков и писать в русской транскрипции, например, слово «Таллин» так, как это передаётся в эстонском написании – «Таллинн»! И конец Советского Союза известен более чем хорошо...¹

Но это – так называемый национализм национальных меньшинств, который при всём том, что ему обязательно присущи общие черты этого политико-психологического явления, тем не менее, отличается от национализма «больших» наций. А в Европе и с этим вопросом всё обстоит достаточно неблагоприятно для тех кругов, которые стремятся сохранить мифологическую «западную демократию» - даже ценой крови наций и отдельных личностей, но лишь бы это происходило где-нибудь подальше от «центров цивилизации». Разве не к чисто англосаксонскому национализму обратилась бывший премьер-министр Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии Маргарэт Тэтчер, когда Аргентина попыталась напомнить о спорном характере принадлежности Фолклендских островов, расположенных за тысячи километров от Англии, вблизи аргентинского побережья? Но кроме этого, в старой доброй Англии отмечен и рост чисто фашистских организаций, выступающих за возвращение даже к более ранним традициям, чем те, что указаны в легендах о Короле Артуре и его рыцарях. Возводится в ранг национальной святыни мифическая

сущность так называемого «английского дуба» - символа традиционализма англичан, их природной консервативности. Что же говорить о чисто расистских «клубах», благодаря которым в конце 70-х – начале 80-х гг. именно в Англии, в «цветных» предместьях Лондона, Ливерпуля и ряда других крупных английских городов прошли погромы «нетрадиционного» населения современных Британских островов – индусов, пакистанцев, бенгальцев-мусульман, африканцев, темнокожих уроженцев островов бассейна Карибского моря и т.д. Не говоря уже о том, что в ответ на ирландский национализм в Англии, как и в протестантской части Белфаста, ненависть или просто недоверие к «айришам» воспитывается даже в детях и подростках на чрезвычайно низком, бытовом уровне.

Всё это призвано убедить нас в том, что и в стране «самой древней в мире демократии» отнюдь не решена пресловутая национальная проблема, и среди факторов, её обостряющих, в том числе можно назвать и «колониальное прошлое» Великобритании, благодаря чему наиболее динамично растущими в численности общинами стали те, по большому счёту, наивные аборигены из бывших британских колоний, разбросанных на всех континентах и материках планеты, которые поверили, что выданные им в колониальные времена документы, удостоверяющие их «причастность» к Британии, дадут им право на безбедное существование и британское гражданство и после уничтожения британской колониальной системы. Действительно, если ныне пребывающие у власти в Лондоне консерваторы или их политические последователи, причём абсолютно безразлично, из какой партии, не найдут ключей к решению демографической проблемы, то очень может быть, что уже к середине XXI века в Англии «цветное» население сравняется или даже превзойдёт по численности англо-саксов. А это уже будет означать перерождение и духа, и традиций, то есть по большому счёту – конец англичан как устойчивых носителей культуры, цивилизации. Вряд ли на Даунинг-Стрит смогут найти демократические способы борьбы с угрозой вымирания нации: правителям Англии придётся-таки вспомнить свою же собственную историю и способствовать высвобождению национального духа англичан, когда-то отражавшего энергию чрезвычайно активных, даже можно сказать – пассионарных индивидов, способных инициировать вокруг себя выгодный ход развития истории. Ну а, в свою очередь, любые намёки на насильственные методы борьбы с «инородцами» натолкнутся на сопротивление последних, и избежать конфронтации не будет никакой возможности.

¹ Там же.

Впрочем, возврат к национализму как единственно возможной «спасительной» идеологии для терпящих кризис либерал-демократических обществ в Западной Европе начался давно – задолго до нашей советской «перестройки». Почему же там это не увенчалось всеобщей «перестрелкой»? Видимо, сказывается то, что после Второй мировой войны европейцы, независимо от того, с какой стороны баррикад воевали, научились ценить собственный покой и дорожить миром, повторим ещё раз – предпочитая читать и слушать о войнах где-то в Африке или на Ближнем Востоке, разожжённых, однако, именно инициацией собственных, сугубо европейских, американских или пресловутых общезападных интересов в общественной жизни далёких от «мировых центров цивилизации» регионах. В особенности новое движение к национализму, получившее наименование «новые правые», широко развилось в Германии, Франции и Италии. Уверяем вас – в этом нет ничего странного: и немцы Г.-К.Кальтенбруннер, Х.Айхберг, Г.Люббе, Л.Пенц, В.Штраус, Ф.Йос, Г.Вальдман, Г.Рормозер, и французы А.Де Бенуа, Ж.-М.Ле Пен и другие, и итальянские консервативные круги, организовавшие ещё в 1982 г. крупнейший научный симпозиум под девизом «Возвращение к Бенедетто Кроче», после чего в Италии начали кропотливо и терпеливо создаваться те условия, которые позволили выдвинуться уже в 1993 г. на передовые позиции в политической жизни не просто неонацистской партии, а даже внучке незабвенного «дуче» Алессандре Муссолини, – все они являются звеньями одной общей цепи, нацеленной на постепенное и безболезненное отстранение либеральных систем управления обществом и миром. Интересно заметить в связи с этим, что философия этого самого Б.Кроче в своё время послужила идеологической основой для движения, возглавив которое, Бенито Муссолини достиг как своего высшего политического успеха, так и бесславного конца. Труды Кроче стали не просто фундаментом итальянского фашизма 20-40-х гг. XX века, но и признавались самым весомым вкладом в создание определённой историко-философской системы «нового общества». Причём даже итальянские коммунисты не могли не признавать (в частности, А.Граммши), что все итальянские политики, кто безоговорочно, кто не со всем соглашаясь, принимавшие участие в общенациональном движении за нравственное и духовное преобразование Италии, единогласно признавали, что начало процессу обновления итальянского общества и общественной мысли положил именно Кроче, который более всего опасался и ненавидел хаос, анархию во взаимо-

отношениях государство-государство, государство-личность, личность-личность...¹

Любопытно заметить в связи с вышеизложенным, что движение «новых правых» в Европе, как правило, нуждается в новейшей мифологизации своих притязаний на доминанту в обществе. И вот в Германии, причём ещё до 1988 г., «новые правые» пришли к выводу, что под предлогом борьбы за «защиту окружающей среды» следует возродить некоторые дохристианские верования, что нашло отражение, в частности, и в лозунге «дерево – символ жизни и свободы». Неонацисты обращаются к языческим традициям древних германцев, частично восстанавливая древнейшую, дохристианскую религию природы. А в сознании рядовых граждан под влиянием пропагандистских ухищрений «новых правых» образ реально существующей природы с её реальными современными проблемами создаётся некий, излишне идеализированный, мистический образ, в центре которого – яркий, бросающийся в глаза и хорошо запоминающийся, притягательный во всех случаях образ дерева, берущего на себя функции провозвестника нового подхода к осмыслению всего жизненного процесса, символа возникающего «нового сознания» и нового радикального мышления. В итоге перед нами предстаёт некая картина леса, как пристанища немецкой души, который сейчас «умирает». А действия «новых правых» призваны освободить «лес» от болезни и удалить из него «сорняки». И экологический лозунг в романтизированном обрамлении под «язычество» сразу приобретает специфическую политическую окраску, поскольку под кронами священных для германцев деревьев люди собирались в наиболее важные, решающие для их жизни и бытия моменты: деревья, как олицетворение связи человека с высшими силами природы, своим существованием содействовали сплочению людей. Так была воссоздана идеализация восприятия «немецкого дуба» – символа борьбы против национального угнетения, дерева свободы. Думаем, невооружённым глазом заметно сходство «английского» и «немецкого дубов», хотя на Британских островах это дерево, в первую очередь, символизирует (в том числе и для местных, английских «новых правых») прежде всего незыблемость национальных традиций. Но ведь традиции и мифы – это почти одно и то же, и, стало быть, сходство символов может означать и сходство конечных целей.²

Таким образом, думаем, становится понятным, почему именно в ещё необъединённой

¹ Там же.

² Там же.

Германии убежденность в том, что именно национальная идея может стать спасением Запада, стала доминирующей в сознании широких интеллектуальных кругов, причём практически во всех главнейших институтах государства. Сугубо интернациональный характер применимости этой идеи не должен отпугивать недоверчивых, так как вполне закономерно, что у каждой нации есть свои национальные интересы, и в силу необходимости их защиты каждая нация в состоянии обзавестись (и обзаведётся рано или поздно) своей национальной идеей. Поэтому движение «новых правых» стало общим для всего капиталистического мира элементом картины развития, в особенности в условиях отчётливо (пусть и достаточно медленно) нарастающего кризиса политических институтов либеральных обществ, духовной сферы, когда **традиционные формы политического и философского консерватизма** также постепенно уступают место авторитарным тенденциям. В то же время все западные «новые правые», тем не менее, гармонично остаются составной частью общего и более глубокого движения **нео-консерватизма**. Впрочем, развал мировой системы социализма показал, что национализм, как идеология, благополучно вызрел и в условиях тоталитарных человеческих сообществ, несмотря на неоднократные хвастливые заявления различных коммунистических лидеров о том, что в их странах национальный вопрос решён самым справедливым образом и раз и навсегда. Не стоит, вероятно, длинно объяснять, что практически все войны, шедшие или ещё идущие в той или иной форме на территориях бывших СССР и СФРЮ, являются как раз результатом «коммунистических методов» решения национальных проблем, когда обязательно должны быть ущемлены права одной нации в пользу другой, и делается в соответствии с конъюнктурой глобального политического момента.

Исходя из вышеизложенного, можно понять, почему даже политологи в наиболее демократичнейших США (например, С.Хантингтон) признают, что наиболее устойчивой и мощно действующей частью мировой цивилизации в будущем будут именно национальные государства. Нам представляется, что можно сделать вывод о том, что любая система функционального управления общепланетарной цивилизацией, кем бы она ни создавалась, должна прежде всего учитывать именно объективные и закономерные тенденции развития общественной жизни и политологической мысли. И любая новейшая система миропорядка должна будет основываться на этнически прочных, полукрытых единых системах регулирования всего комплекса общественных отношений. То есть

это будут условия, когда в первую очередь большую роль будет играть стремление утвердить национальные права, а это, в свою очередь, будет способствовать тому, что на определённое время в этих системах возобладет тенденция «отгородиться» от остального мира, чтобы успел сформироваться прочный этнобазис для последующего нового контакта с соседними системами. С другой стороны, поскольку все политические силы планеты, даже в самых отсталых государствах и человеческих сообществах, ясно осознают, что какой-либо ощутимый общественный и экономический прогресс невозможен в условиях той или иной разновидности «закрытой системы», это вынудит все руководящие сферы целеустремлённо работать в направлении скорейшего создания института особых географических и геополитических пространств, которые можно условно назвать «зонами свободного общения».¹

Таким образом, преодолеть конфликтность развития взаимоотношений между различными народами или избежать её, превентивно-профилактически предупредить и, соответственно, избавить десятки и сотни миллионов людей от возможных новых вооружённых конфликтов и войн можно только в случае, если по возможности будут демонтироваться в своё время искусственно созданные мультинациональные (зачастую абсолютно нежизнеспособные и марионеточные, управляемые извне) государственные образования и будет преодолеваться состояние «разделённого народа», допущенное на том или ином промежутке мировой истории в отношении отдельных наций или даже групп этнически и языково близких друг к другу наций. Процесс этот не простой – следовательно, займёт немало времени. Но без этого к относительно справедливому мироустройству без межэтнических конфликтов придти будет невозможно.

---

¹ Там же.

Interethnic Conflicts: The Essence, Problems, Controversies, and the Perspectives

S. Shakaryants

The termination of Yalta-Potsdam system of international relations, triggered by the disintegration of the Soviet Union and the collective efforts of the West to dismantle the federal Yugoslavia, was bound to exacerbate the existing conflicts and create new ones. In particular, many long-standing conflicts that were not properly addressed by the international community either before or after the World Wars came to fore with a new surge of destruction. Despite the general contentions that the problems of ethnicity and ethnic identity would no longer serve as potential sources of confrontation toward the end of the 20th century, ethnic conflicts became a defining feature of the post-Soviet space. In the same time, the instigation of ethnic conflicts has been one of the most efficient

methods of challenging the multi-ethnic composition of the states. However, each and every inter-ethnic conflict has its regional and national characteristics that draw on the historical experience of specific nations and territories. Essentially, the recurrence of ethnic conflicts is not solely confined to the developing world, and is an important part and parcel of the post-industrial western communities.

To overcome the conflicting relations between different peoples through preventive measures and, thereby, save hundreds of thousands of lives from the devastating outburst of new armed conflicts and wars, the author argues, it is essential that the artificial construct of certain multiethnic state formations (often absolutely unsustainable puppet governments lead by external forces) be dismantled. This, it is concluded, will put an end to the state of “divided nations” that has been created at various junctures of the world history with respect to individual nations and groups with close ethnic and linguistic affinity.